

УДК 947

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ:
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ**

© 2012 г.

И.В. Бахлов, И.Г. Напалкова

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарёва, Саранск

zamisi@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.06.2010

Анализируются византийский, золотоордынский, евразийский, естественно-исторический, полиэтничный подходы к проблемам формирования Российской империи, а также колонизационная концепция и концепция естественно-исторических границ.

Ключевые слова: имперская система, традиционная империя, колониальная империя, Византийская империя, Римская империя, Российская империя.

Возникновение и эволюция российской имперской системы – сложная многофакторная проблема, исследуемая с позиций исторической науки, политологии, культурологии, этнологии, социальной демографии и др. В связи с этим можно выделить несколько значимых междисциплинарных подходов и своеобразных концепций, обосновывающих основные аспекты формирования Российской империи как сложной политико-территориальной системы.

Первый подход условно можно назвать византийским, так как представленные в его рамках концепции исходят из понимания России как духовной преемницы Византийской империи. Центральной идеей для представителей данного подхода является перенос в Россию византийской имперской идеи, базовым компонентом которой выступает православная религия. Исторические истоки подобной трактовки большинство исследователей усматривают в теории «Москва – третий Рим» псковского монаха Филофея в «Послании великому князю Василию об исправлении Крестного знамения и о содомском блуде» (1514–1521). Важнейшие положения его концепции – преемственность римской имперской традиции, основанной на православной христианской вере; неразрывность государства и церкви; концентрация имперской власти в руках монарха, являющегося главой и государства, и церкви; персональная ответственность монарха за полученную универсальную власть; вековечность полученного наследия, его неизменность и окончательность [1].

Составляющие концепцию Филофея идеи различным образом преломлялись в ходе эволюции российской общественной мысли. Религиозный философ Н.Ф. Федоров так определял важную особенность складывания имперской

системы в России: «...Москва, находившаяся под опекою Византии до самого почти падения ее, не могла усвоить иного взгляда на собиранье, кроме того, какой был у ее воспитательницы; поэтому-то Московское собиранье и отличалось такою суровостью; она, как говорили, «вынимала души из областей» [2].

К.Н. Леонтьев отмечал преемственность России не только с Византией, но и с Римской империей [3]. Автор подчеркивал главную особенность Российской империи, отличающую ее от Византийской, – Россия, по аналогии с Римом, была ориентирована на территориальное расширение, а не на сохранение и консервацию.

Наиболее полное выражение анализируемый подход нашел в концепции, разработанной С.В. Лурье. В ее основе лежит понятие центрального принципа империи – комплекса религиозно-государственных идей, являющегося базой всех внутренних и внешних проявлений имперской практики и, как правило, сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм. Преемственность центрального принципа империи прослеживается ею в процессе сравнения Первого, Второго и Третьего Рима (Римской, Византийской и Российской империй), что позволяет лучше понять идеальные (и идеологические) основания строительства Российской империи [4, с. 123].

Россия заимствовала у Византии (а через нее – у Рима) практически все наиболее важные компоненты центрального принципа империи, хотя в процессе русской истории некоторые из них значительно трансформировались, получив внешнее выражение, более соответствовавшее эпохе и географическому положению новой империи. После падения Константинополя русским представлялось, что они остались единст-

венным православным народом в мире, а это означает, что Россия не механически переняла традицию духовного универсализма и политического изоляционизма, а пережила ее как собственный драматический опыт [4, с. 130].

В то же время Российская империя отличалась существенной спецификой, которая выражалась прежде всего в практике реализации имперского принципа – во внешней политике. Если Византия могла позволить себе временами абстрагироваться от Запада, а временами считать его варварским (равно как и Восток) и строить свою внешнюю политику как приграничную политику, формирование буферной зоны, то Россия изначально была государством среди других государств и вела активную и отнюдь не только приграничную политику как на Востоке, так и на Западе, поэтому русский изоляционизм был чисто психологическим.

Таким образом, концепциям, развивающимся в рамках византийского подхода, свойственно признание приоритета духовно-идеологической составляющей имперской системы – в данном случае религиозной в форме православия – как основного фактора формирования Российской империи на пути ее правопреемства к византийской имперской традиции.

Ко второму подходу, условно называемому золотоордынским, можно отнести концепции, выделяющие в качестве основного фактора становления имперской системы в России влияние Золотой Орды и, более широко, Монгольской империи Чингисхана. Знаменитое выражение представителя этого направления в отечественной мысли П.Н. Савицкого о том, что «...без «татарщины» не было бы России» [5, с. 59], можно считать исходной установкой всех концепций в рамках данного подхода.

П.Н. Савицкий в своей работе «Степь и оседлость» (1922 г.) выводил главное социально-политическое последствие монголо-татарского владычества: «Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они (татары) дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество – становиться могущественной «ордой» [5, с. 312]. Военно-политическая организация государства и преимущественно принудительные методы государственного управления – те основания, которые позволили сформировать могущественную империю по образу и подобию Орды.

Н.С. Трубецкой также подчеркивал мысль о том, что Россия как империя сформировалась лишь после расширения в пределах территории Золотой Орды, после завоевания государств, сформировавшихся после ее распада. Тем са-

мым выделяется идея России как единственной правопреемницы Золотой Орды и ее места и роли в обширном евроазиатском пространстве.

Прошедший в 2002 г. на страницах журнала *Ab Imperio* круглый стол на тему «От Орды к России» [6, с. 235–238] позволил отразить взгляды современных исследователей на эту проблему.

А. Филюшкин особо характеризует восприятие монголо-татарского завоевания в официальной русской идеологии [6, с. 220–222]. Если первоначально татарское нашествие определяли как катастрофу, ниспосланную русскому народу за его прегрешения, то после установления системы ордынского владычества над русскими княжествами оно считалось законным, «заведенным Богом» порядком. Оценки начинают резко меняться во второй половине XV – XVI в., когда создание единого Русского государства вступило в решающую фазу. Московскими летописцами был создан идеологизированный миф о вековой ожесточенной борьбе русских против ига, в ходе которой решалась судьба человечества и христианской веры. Его элементом стала идея о том, что победа над татарами была непременным условием появления московской государственности.

Таким образом, А. Филюшкин подчеркивает, что восприятие ордынского владычества на протяжении веков воплощалось в целом комплексе политических мифов, которые чем ближе к нашему времени, тем больше отвечали внутренним задачам построения русской государственности и тем меньше отражали адекватное восприятие власти Золотой Орды как наследницы Монгольской империи в XIII–XIV вв.

М. Усманов полагает, что Российской империи передался дух центральноазиатской империи: беспрекословная покорность подданных при безграничной власти правителей. Следствием монголо-татарского влияния стало отсутствие у русской аристократии собственности и правовых гарантий своего положения. Поэтому в России до XIX в. так и не возникло никакой реальной оппозиции произволу власти. Не было даже попыток добиться создания регулярных правящих органов парламентского типа [6, с. 231, 233].

С. Скобелев подчеркивает, что уже при присоединении Сибири применялся имперский опыт управления коренными народами, базировавшийся на практике управления подвластными народами, которая использовалась здесь ранее монголо-татарами. Он заключался в минимальном вмешательстве во внутренние дела, поддержке внутреннего самоуправления, обеспечении защиты от внешних врагов, невмеша-

тельстве в дела религии и отсутствии (за редкими исключениями) прямого насилия при христианизации, взимании достаточно небольшой по размерам дани. Основные принципы имперского административного опыта татаро-монголов (наряду с некоторыми дополнениями), широко использованные российским самодержавием в практике управления народами Сибири, просуществовали до начала XX в. [7].

Итак, концепции исследователей, представленные в рамках золотоордынского подхода, несмотря на значительный разброс оценок монголо-татарского влияния прежде всего по качественной шкале «положительно – отрицательно», в большинстве своем сходятся в признании существенного воздействия монгольского имперского опыта преимущественно в сфере организации государственного управления, в том числе присоединенными или завоеванными территориями.

Третий подход – евразийский – можно выделить, руководствуясь как мировоззрением евразийцев – представителей целого направления в российской общественной мысли, так и концепциями, прямо с евразийством не связанными, но учитывающими воздействие на природу Российской империи комплекса двух факторов: европейского (византийского) и азиатского (золотоордынского).

Суть евразийской позиции выражена в работе П.Н. Савицкого «Географический обзор России – Евразии». Он отмечал, что, говоря о византийском наследстве как идейных истоках русской государственности, можно считать такое утверждение обоснованным лишь применительно к духовно-культурной области. «В геополитическом отношении дело обстоит иначе. К областям, составлявшим геополитическую сферу Византии, являвшимся ее владениями, русское расширение приблизилось к концу XVIII века (Крым, соответствующие части Кавказа); но и тогда области эти явились периферичными для России, как в свое время были «периферичны» для Византийской империи. Эта периферичность неизбежно останется в силе также и в том случае, если окажутся вовлеченными в государственную орбиту России-Евразии бывшие основные средоточия Византийской империи. Для геополитического бытия России-Евразии географическая сфера Византии есть сторонняя сфера. Наоборот, в геополитическую сферу монгольской державы Россия-Евразия погружена в исключительной степени; геополитическая плоть России-Евразии в значительной мере есть географическая плоть монгольской державы. В геополитической отрасли уместно говорить о монгольском наследстве...» [8].

Другой видный евразиец – Н.Н. Алексеев – сделал анализ данной проблемы с позиции государственно-правовой теории. Выделяя в качестве типа территориальной организации «государство-мир», он отмечает, что это самое большое из всех возможных политических образований; «обычно оно составляется из соединения под одной властью нескольких царств, которые входят в него как колонии, доминионы, вассальные государства, федеральные части и т.п.». В качестве территориальной основы таких империй бывает обычно некоторое географическое единство, которое можно назвать «частью света» не в географическом, а в экономическом и политическом смысле. Производя сравнительный анализ древних и современных империй, Алексеев подчеркивает: «...для нас особенно поучительно отметить, что таким государством-миром была и империя Чингисхана, наследником которого... является русское государство. Это последнее уже в московский период было промежуточным образованием между царством и империей, ибо перешло от «собирания земли русской» к собиранию «земли татарской» и уже в эпоху Ивана Грозного владело значительной частью «основного ядра» монархии Чингисхана» [9]. В период Российской империи оно достигло основных пределов этого ядра, заполнив собою целую часть света – Евразию. Поэтому Русское государство не по названию, но по существу своему было государством-миром (империей).

Давая оценку взглядам евразийцев на имперскую проблему, современные исследователи отмечают следующее. В.Л. Каганский подчеркивает, что евразийство предлагает обсуждать империю как судьбу и содержательную проблему, причем, учитывая время создания концепции, проблема империи во многом сводится к проблеме трансформации страны в ходе неизбежной, желательной, возможной или ужасной утраты империи, что означает неизбежность осмысления управления трансформацией империи, становлением постимперского пространства, в том числе и деколонизацией собственной территории [10].

С. Глебов считает, что в российской традиции евразийцы были первыми, кто однозначно считал азиатскую составляющую российской культуры и государственности неотъемлемым элементом истории России. Особо отмечается стремление евразийцев спасти имперское пространство России путем инкорпорации в евразийское сообщество большинства народов империи как субъектов общевразийского национализма [11].

Двойственный характер истоков Российской империи подчеркивается также современным

исследователем А.Ш. Кадырбаевым. Анализируя общее наследие Российской и Османской империй, он отмечает, что и турки, и русские – наследники и Византийской империи, и великих евразийских степей с их средневековыми империями: Тюркским каганатом и Золотой Ордой. Однако если турки – предки турок, вышли из степей, то восточные славяне – предки русских, вошли в степи. Учитывая, что Византия и Золотая Орда были евразийскими великими державами, обе империи унаследовали эту особенность и даже превосходили в этом отношении своих предшественниц, распространив свои пределы и на другие континенты: Османская на Африку до Судана и Марокко, а Российская на Америку, включив в свой состав, пусть и на небольшой исторический срок, Аляску и часть Калифорнии [12].

Российская имперская идея во многом представляет собой синтез византийских и золотоордынских имперских традиций, хотя и не исчерпывается ими. «Москва – третий Рим, а четвертому не быть» – в этом изречении во многом сформулирована имперская идея России как последнего оплота православного христианского мира после падения в 1453 г. единой Византии, когда русский царь провозглашается защитником всех православных христиан. А.Ш. Кадырбаев подчеркивает, что в формировании российской имперской идеи византийское наследие прослеживается больше в духовной и идеологической сферах. Русские строили свою государственность во многом в соответствии с византийскими понятиями об иерархичности и централизации монархической власти, ее богоустановленности и сакрализации, причем, как и в Византии, в России власть монархов имела сходные черты с восточными деспотиями. Это проявлялось прежде всего в традиции политического самовластия при одновременной внутренней его непрочности – практика насильственного лишения монархов трона с последующим убийством сочеталась с их всеисильностью и надзаконностью.

В то же время, по мнению исследователя, неотъемлемым компонентом российской имперской модели было наследие Золотой Орды, которое выразилось преимущественно в области государственной организации, оказав влияние на такие стороны российской государственности, как военная организация, фискальная система, посольские обычаи, протокольная традиция государственных канцелярий. Золотоордынское наследие проявилось и в веротерпимости. Стало обыкновением, хотя и не всегда на всем протяжении истории России, не ассимилировать новые, завоеванные и включавшиеся без

кровопролития в состав Российской империи земли, не изменять жизнь, религию и язык покоренных народов, при этом в Российской империи этнические особенности отступали на второй план перед религиозной принадлежностью, ибо религия определяла идеологию империи. Несмотря на то что имперская традиция России формировалась под воздействием Золотой Орды и Византии, исходным моментом для нее была все же древнерусская государственность как первый опыт государственного строительства в многоплеменной среде [12].

Тем самым, вырисовывается новый компонент – традиции древнерусской государственности и собственный опыт развития, который признается определяющим представителями концепций, которые можно сгруппировать в рамках следующего подхода, условно названного естественно-историческим.

Одним из первых концепцию самобытного происхождения Российской империи пытался создать Ф.И. Тютчев. Давая общую характеристику России, он выделил две главные ее составляющие – «Славянское племя» и «православную Империю». Если славянское племя представляет собой тело империи, то православная церковь – ее душу, лишь в их взаимодействии проявляется единство империи. При этом следует подчеркнуть, что для Ф.И. Тютчева «славянское племя» отождествлялось с идеологией панславизма, так как «никакая политическая национальность невозможна для славян вне России». Россия «в окончательном виде» – это Империя Востока. Тютчев особо выделяет мысль о том, что «если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы» [13]. Признавая значение унаследованных православных традиций как необходимого духовного элемента имперской системы (ее идеологии), он в то же время указывает на историческую самобытность ее «тела» в лице славянства.

Более оформленный вид концепция самобытного происхождения Российской империи находит в работах современных исследователей. Так, В. Махнач считает, что точной даты начала империи назвать, конечно, нельзя. Но уже со времени после присоединения Новгородской и Тверской земли и падения Золотой Орды можно говорить, что здание империи территориально и геополитически было выстроено. Определяющую роль в этом сыграл Иван III Васильевич, выполнивший первый, важнейший этап этой постройки: объединение всех русских земель, бывших под русским управлением. Он же поставил в повестку дня второй вопрос: объединение всех русских земель, находившихся под нерусским управлением. Исследователь

полагает, что в этот период произошло слияние двух исторических явлений – возвышение русского государства и восприимчивость им имперской функции, имперской миссии, хранителем которой до пятнадцатого века выступал Константинополь. Однако это было не механическое перенесение имперской идеи, а сознательное ее использование в интересах укрепившегося русского государства. На этом фоне Петр I в 1721 г. всего лишь поменял восточноевропейский титул «царь» на равноценный ему западноевропейский, что означало лишь декларацию Петром своего западничества [14].

С этим мнением созвучны взгляды западного историка М.Т. По [15]. Отмечая факторы особого пути России: неподвластность европейской колониальной экспансии и сильную авторитарную власть, направленную на защиту страны от внешней угрозы, он выделяет главную особенность России. Он видит ее в том, что она не впитала в себя ни основ государственности Европы, ни ценностей и культуры Востока, в связи с чем называет монголо-татарское иго мифом российской истории. М.Т. По полагает, что Россию можно именовать империей уже с воцарения Ивана III, при этом сутью имперской политики стала централизация, осуществлявшаяся активно и не самыми либеральными методами, а затем – экспансия за Урал. Им выводится своеобразная «русская формула»: географическое положение, неразвитость масс, авторитарный характер власти, характеризующая, среди прочего, и общие параметры российской имперской системы.

Д. Володихин, анализируя проблемы становления и развития Московского централизованного государства, оценивает военизированное самодержавное устройство России XV–XVI вв. как инструмент, предотвращавший давление извне. Определяющую роль в формировании основ российской великодержавной государственности он отводит Ивану III, который «выпустил джинна из бутылки» путем создания мощного оружия – поместной системы, дававшей огромное, недорогое и свирепое воинство, подчиненное одной лишь воле государя. На взгляд исследователя, «...не будь поместной системы, Москва, быть может, так и осталась бы деревянной столицей северной конфедерации карликовых государств, стиснутой воинственными соседями: Великим княжеством Литовским, Казанским ханством, крымской угрозой со стороны Дикого поля» [16].

Современный отечественный историк А. Филюшкин, анализируя внешнюю политику Ивана IV на примере Ливонской войны, рассматривает ее как первое проявление имперских амбиций в

Европе. По его мнению, Иван Грозный принципиально изменил характер войн России со своими соседями – от войн за захват территорий он перешел к войнам за полное уничтожение соседних держав и их поглощение Московией [17]. В связи с этим покорение Казани в 1552 г., а в 1554–1556 гг. Астрахани стали первыми шагами России, которые можно трактовать как «имперские». Но эти шаги были движением на восток. В западном направлении таким шагом стала Ливонская война 1558–1583 гг.

Определенной разновидностью данного подхода мы можем считать концепцию, условно называемую колониационной. Ее специфику составляет понимание процесса формирования имперской системы в России как естественного расширения государства путем колонизации, осуществляемой преимущественно мирным (невооруженным) путем в восточном направлении.

Истоки этой концепции обычно связывают с именем С.М. Соловьева. Он видел начало процесса расширения Русского государства во времени Ивана IV, присоединившего или начавшего присоединение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. При этом он весьма скептически относится к их характеристике как самостоятельных царств.

Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» высказывал взгляды, во многом сходные с мнением С.М. Соловьева. Он считал, что «...в завоеваниях России все, что можно при разных натяжках назвать этим именем, ограничивается Туркестанской областью, Кавказским горным хребтом, пятью-шестью уездами Закавказья и, если угодно, еще Крымским полуостровом. Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя называть завоеванием – в дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле». В частности, с «присоединением Финляндии от Швеции к России ничьи существенные права не были нарушены», т.к. выгоды самой Финляндии в лице ее народа более, чем выгоды России, требовали перемены владычества [18].

С критикой колониационной концепции выступил в середине XX в. Г.П. Федотов. В своей работе «Судьба империй» он отмечал, что своеобразие Российской империи заключается в том, что «ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин». Однако, как подчеркивал исследователь, Дальний Восток или Туркестан по своему экономическому и даже политическому значению совершенно соответствуют колониям

западных государств [19, с. 316–320], в связи с чем их нужно рассматривать именно в западном понимании, как завоеванные и эксплуатируемые метрополией периферийные земли.

В связи с чем Г.П. Федотов выделял следующие особенности Российской колониальной империи: 1) «в самих приемах русской власти, в ее патриархальном деспотизме, было нечто родственное государственной школе Востока, но смягченное, гуманизированное»; 2) «у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии»; 3) «русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере» [19, с. 319–320]. Следовательно, известный философ не отрицал значения колониационного фактора в формировании имперской системы в России, однако оценивал его с совершенно иной точки зрения, чем С.М. Соловьев.

Американский историк М. Ходарковски интерпретирует территориальный рост России в XVI–XVIII вв. как колониальную экспансию, тем самым характеризуя Россию как колониальную империю. В качестве компонентов колониационного процесса автор выделяет: 1) возведение оборонительных линий с крепостями, гарнизонами и артиллерией и их постепенное продвижение на юг и юго-восток от Оки – традиционного естественного рубежа средневековой Руси; 2) бюрократию – писцов, чиновников, переводчиков и т.п.; 3) насаждаемых правительством колонистов, соперничавших из-за земли; 4) Православную церковь; 5) привлекательность в глазах переселенцев из степи проживания в пределах богатой и могучей державы [20, с. 223, 226–228]. Анализируя закономерности расширения российского государства на восток и на юг, М. Ходарковски исходит из концепции первоначального формирования *frontier* (регионы, не включенные полностью и окончательно в юрисдикцию российского правительства, население которых в лице правящей элиты состояло с русскими властями в различного рода союзнических, вассальных, протекторатных и прочих внешнеполитических отношениях) и его постепенного превращения в *borderlands* (пограничье, окраинные земли, уже прочно ставшие частью государства). Важнейшими способами и средствами колонизации были, по его мнению, шерти (договоры с взаимным определением обязательств), аманаты (заложники), ясак (подать) и поминки или жалованье (денежные и натуральные выплаты российских властей «инородческой» элите) [20, с. 59–63].

Таким образом, заключает автор, Россия является колониальной империей по форме отношений с подвластными народами, политическим целям и стратегии в приграничье.

Еще одной концепцией, тесно связанной с двумя предшествующими, является концепция естественно-исторических границ. Ее представители трактуют формирование Российской империи как процесс постепенного расширения Российского государства в его естественно-исторических, естественно-географических границах.

В определенной степени к ним можно отнести известного российского историка В.О. Ключевского. Он полагал, что в продолжение XVIII в. Россия почти завершает давнее свое стремление стать в естественные этнографические и географические границы. Оно было завершено в начале XIX в. приобретением всего восточного берега Балтийского моря, по присоединении Финляндии с Аландскими островами по договору со Швецией 1809 г., продвижением западной границы, по присоединении Царства Польского, по присоединении Бессарабии по Бухарестскому договору 1812 г. Тем самым государство «стало в свои естественные границы» [21].

Еще одну концепцию естественных границ Российской империи представил в 1907 г. в своей работе «Европейская Россия. Антропогеографический этюд» А. Геттнер. Он писал: «Россия по своей природе является внутренней страной, которая граничит только с окраинными и внутренними морями...», поэтому логика ее политико-территориального развития определялась «достижением моря и завоеванием его берегов». Важнейшими этапами этого развития были: 1) занятие берегов Белого моря и получившаяся благодаря этому впоследствии возможность торговых сношений с Англией; 2) утверждение на Балтийском море, расширившее и облегчившее торговые сношения со странами, прилегающими к Балтийскому и Немецкому морям, и более дальними; 3) распространение до Черного моря, давшее и для южной России возможность морских сообщений, с доступом к Средиземному морю [22]. В качестве главного фактора формирования государств А. Геттнер называл культурно-географический, так как «возникновение государств в настоящем смысле этого слова и их постепенный рост связаны с развитием высшей культуры, так как только она дает необходимые экономические и социальные условия для их существования». При этом природно-географический фактор (природные условия) носит лишь вспомогательный характер, предоставляя возможности, но не оказывая решительного влияния.

Российская исследовательница О. Юмашева полагает, что применительно к допетровской Руси ни о какой империи или хотя бы до- (прото-) имперском образовании не могло быть и речи, а имперский этап начался с перехода под корону российского императора восточной части Польши. Она объясняет это тем, что предыдущие войны за расширение внешних границ империи происходили на территориях, вполне подпадавших под единый тип культуры. И лишь включение в состав страны польских земель ознаменовало собой совершенно другие отношения между метрополией и провинцией, чем это было прежде. Таким образом, история в строгом смысле Российской империи начинается даже не с Петра Великого, рубежом проявления имперского духа следует считать 1794 г., время подавления первого восстания в Польше под предводительством Т. Костюшко. Классической империей наше государство может считаться, по ее мнению, только в промежутке между 1794-м и 1917 годом [23].

В качестве обобщающего можно привести мнение известного российского ученого К.И. Арсеньева, высказанное им в «Статистических очерках России»: «...самое естественное положение Российской империи дает ей такую значительность между державами, которую она сохранять будет, пока останется в настоящих своих пределах» [24].

Еще один подход (условно его можно назвать полиэтническим или этнологическим) представлен концепцией известного западного историка А. Каппелера. Ее суть заключается в анализе Российской империи как попытки организации и управления полиэтническим пространством.

В истории формирования Российской империи А. Каппелер выделяет несколько этапов. Первый этап он связывает с наличием средневековых предпосылок будущей империи, т.к. многие ее черты зародились еще в условиях внутри- и внешнеполитического развития Русского государства. Речь идет о трех комплексах средневековых предпосылок мультинациональной Российской империи: 1) традициях раннего многонационального Московского государства, во многом базировавшихся на устоях, оформившихся еще в Новгородском государстве, так как именно насильственное присоединение Новгорода Иваном III в 1478 г. окончательно придало Великому княжеству Московскому полиэтничный характер; 2) процессе «собира- ния русских земель», то есть успешного развития, роста и расширения Московского княжества, в рамках которого московские властители разработали образец той политики экспансии,

которая была основана на применении многих разных методов: от искусной дипломатии до военного завоевания, сопровождаемого самыми жестокими репрессиями; 3) борьбе за наследство Монгольской империи и «собира- ние земель Золотой Орды» русскими государями [25, с. 17–22].

Второй этап в эволюции Российской империи А. Каппелер относит ко времени начиная с XVII в. до середины XIX в. Этот период он называет «дореформенной многонациональной империей». Для него характерны следующие особенности: 1) ограниченное значение этнических категорий для российской элиты и правящих кругов; 2) сильная гетерогенность, предполагающая этническое, религиозное, культурное, социально-экономическое и социально-политическое многообразие; 3) стабилизация господствующего режима и лояльность нерусских подданных по отношению к государям и их династии; 4) приоритет политико-стратегических целевых установок над экономическими, отсутствие превосходства в развитии метрополии над периферией и частичная дискриминация русских по сравнению с «колониальными» народами свидетельствуют об отсутствии в России признаков колониальной империи. В целом Россия представляла собой такой вариант дореформенного полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью, проявлением такого направления исторического казуса, когда «государственный» народ оказался позади многочисленных других этносов в своем развитии, и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами [25, с. 119–123].

Третий этап, названный «поздняя многонациональная империя», охватывает вторую половину XIX – начало XX века. А. Каппелер выделяет следующие его характеристики: 1) изменение динамики развития империи, прежде всего в плане социальной и национальной мобилизации; 2) усиление политического и социального напряжения в империи вследствие активного развития встречных, противоположно направленных тенденций гомогенизации и диверсификации, связанных с национальной мобилизацией нерусских народов; 3) противоречие между разнонаправленной и разновременной модернизацией и сохранением неизменности политической системы и социально-экономического базиса империи; 4) усложнение структуры многонациональной империи, что проявлялось в изменении положения нерусских элит в плане потери ими особого политического статуса, в усилении давления на мобильные группы-диаспо-

ры (такие как евреи, немцы и армяне) и т.п.; 5) усиление колониального характера империи в результате модернизации, так как экономическое развитие отдельных регионов стало более сильно и явно ориентировано на центр и его промышленные потребности. Таким образом, делает общий вывод А. Каппелер, политическому и военному усилению российского центра противостояли резкие перепады экономического и социально-культурного развития на всем протяжении империи, а политика экспансии и постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и имперского господства истощала людские и материальные ресурсы страны, ограничивала возможности социально-экономического и политического развития внутри России, обеспечивала экстенсивный рост державы ценой задержанной интенсивности, что вызвало вначале кризис, а затем и крушение Российской империи [25, с. 236–240].

Сходные взгляды высказывает российский исследователь И. Торбаков. Так, он полагает, что по крайней мере с середины XVI в. и вплоть до 1917 г. история России представляла собой процесс складывания и развития многонациональной (полиэтнической) империи [26].

Представленные выше подходы к анализу процесса формирования Российской империи характеризуются признанием приоритета, как правило, одного, реже двух факторов. Еще один момент: признавая значение какого-либо одного фактора, представители различных подходов давали ему разные интерпретации (например, подчеркивание роли восточного влияния представителями золотоордынского и евразийского подходов позволяло им приходиться, в то же время, к весьма различающимся выводам). На наш взгляд, более точное представление о характере возникновения и динамики российской имперской системы можно получить в рамках синтетического подхода, который условно можно назвать эволюционным. Представляется, что его суть можно представить следующими рассуждениями. В развитии Российской империи достаточно четко разграничиваются два этапа:

1) традиционная империя, в основе ее имперской конструкции, включая имперскую организацию и имперскую идею, лежат византийское, золотоордынское и русское (московское) наследие, а важнейшими факторами формирования выступают колониационный (преимущественно в восточном направлении) и геополитический (в западном и южном направлениях) факторы, причем колонизация во временном отношении предшествовала геополитической экспансии;

2) колониальная империя, ставшая результатом модернизационной трансформации традиционной империи, которая, в свою очередь, вследствие геополитического расширения приобрела характер многонациональной империи, в связи с чем уже в первой половине XIX в. появляются первые теории ее преобразования в федеративное государство. Ориентализм становится модернизационной трактовкой имперской идеи (традиционное восточничество как противопоставление западничеству трансформируется в западническом ключе в своеобразное культуртрегерство).

Статья подготовлена в рамках АВЦП Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы). Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

Список литературы

1. Филофей. Послание великому князю Василию об исправлении Крестного знамени и о содомском блуде // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003. С. 31.
2. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 325–326.
3. Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Империя пространства: Хрестоматия... С. 115.
4. Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Обществ. науки и современность. 1997. № 4.
5. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Мир России – Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995.
6. От Орды к России: круглый стол // Ab Imperio. 2002. № 1.
7. Скобелев С. Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 181, 182.
8. Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Мир России – Евразия: Антология. С. 221–222.
9. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 404–405.
10. Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства (Смысл и статус евразийской концепции пространства России). Статья 2 // Обществ. науки и современность. 2003. № 5. С. 71–72.
11. Глебов С. Границы империи и границы Модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Ab imperio. 2003. № 2. С. 270–281.
12. Кадырбаев А.Ш. Османская и Российская империи: общее византийское и золотоордынское наследие // Восток. 2003. № 2. С. 148–154.
13. Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Империя пространства: Хрестоматия... С. 109–111.
14. Махнач В. Бремя Третьего Рима // Родина. 1995. № 9. С. 30–33.

15. См.: Pое M.T. The Russian Moment in World History. Princeton-Oxford, 2003.
16. Володихин Д. Ты не прав, XVI век? // Родина. 1996. № 12. С. 44.
17. Филошкин А. Дискурсы Ливонской войны // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 66–69.
18. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 28, 39.
19. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2 т. СПб., 1991. Т. 2.
20. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington-Indianapolis, 2002.
21. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 3. С. 368.
22. Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Империя пространства: Хрестоматия... С. 175.
23. Юмашева О. Выбор или судьба // Родина. 1995. № 9. С. 26–30.
24. Арсеньев К.И. Статистические очерки России // Империя пространства: Хрестоматия... С. 595–596.
25. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
26. Торбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение имперского проекта // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 396–397.

PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN IMPERIAL SYSTEM: ANALYSIS OF MAIN APPROACHES

I.V. Bakhlov, I.G. Napalkova

A number of approaches are examined to the problems of the formation of the Russian imperial system, including Byzantine, Golden Horde, Eurasian, natural history, and polyethnic. We also consider the concept of colonization and the concept of natural and historical borders.

Keywords: imperial system, traditional empire, colonial empire, Byzantine empire, Roman empire, Russian empire.